

**Василий
ЧУЛЬЖАНОВ**
(1923-1965 г.г.)

Родился в 1923 году в п. Балбынь Горно-Шорского района. В июне 1941 года окончил десятилетку. Мечтал поступить в Академию художеств, но война сломала все его планы. В начале 1942 года ушел на фронт, был артиллерийским разведчиком. После демобилизации заочно окончил физмат Новокузнецкого пединститута. Работал учителем в Мысках, несколько лет был директором школы в Сыркашах, потом – корреспондентом газеты «Путь к Победе». Был отличным художником, фотографом, писателем, музыкантом, любил и ценил природу своего края.

ПРИЛЕТЕЛИ

Рассказ

Я вышел на улицу в самом прекрасном настроении. Мартовское солнце только-только поднялось из-за горы, и его лучи враз заполнили долину ярким светом.

На снег было больно смотреть – так он сверкал. Я хотел сказать: «Здравствуй, солнце!» Но... до слуха долетели какие-то звуки. Что-то давным-давно знакомое, и в то же время новое было в них... Что это?

Да это же скворец! Ну конечно!

Я быстро сбежал с крыльца и взглянул на крышу. Вот он! Воронёный красавец, отливающий всеми цветами радуги, забыв всё на свете, кроме этого чудесного утра и яркого светила, пел в честь его какую-то сложную песню. Первый скворец!

Моей радости не было предела оттого, что первого скворца увидел именно я, а не Сергей, мой друг. Не так давно мы поспорили с ним, к чьему скворечнику прилетит первый скворец. И вот я победил! А спор получился у нас тогда, когда мы с Сергеем делали скворечник.

Всё шло отлично, мы работали дружно. Но когда дело дошло до крышки, у нас начались разногласия: я хотел сделать крышку из одной дощечки, такую, как у нашей бани, а Сергей настаивал на том, чтобы она была, как у домика. Сначала мы просто спорили, и нашей дружбе ничто не угрожало. Но когда я, потеряв терпение, сказал, что он за последнее время стал задаваться, особенно с того времени, как ему исполнилось семь лет и ему купили школьную форму и красивый ранец, он надулся на меня и ушёл. И сказал, что сделает с дедушкой скворечник получше этого и что в мой скворечник и скворцы-то не прилетят, потому что доски у меня плохие и гвозди старые. Я ответил, что это неправда и что мы ещё посмотрим, чей скворечник будет заселён первым.

Сергей ушёл, заметив на прощание, что я хоть и старый, а до сих пор не научился делать скворечники. Это было уже похоже на оскорбление, и я сказал, что, во-первых, я ещё не старей, мне только 50 лет, и, во-вторых, я переделал этих скворечников, наверное, больше, чем у Сергея на голове волос. Правда, я не был уверен в правдивости своих слов, но надо же было что-то ответить обидчику!

Итак, между нами, как говорят, пробежала чёрная кошка.

Сергей с дедушкой сделали такой скворечник, что ребятишки всего нашего поселка и даже взрослые ходили смотреть его. Я не ходил. Но когда они его поставили, я не утерпел и, взяв бинокль, издалека разглядел его. Мне стало завидно: над крышей на аккуратном отстроганном шесте красовался чудесный скворечный домик. Даже были нарисованы окна и вход отделан перильцами. Мой скворечник выглядел сереньким и непривлекательным.

В тот день Сергей четыре раза прошагал мимо моих окон. При этом он не глядел на наш домик. Я понял, что он злорадствует.

И вот первый скворец прилетел всё-таки ко мне... Я взглянул на красивый скворечник Серёжки и увидел освещённый утренним солнышком одиноко стоящий домик. Скворца около него не было. Мне очень захотелось встретиться с Сергеем и сказать ему только одно слово: «Смотри!» – и при этом указать на свой скворечник, возле которого по-прежнему свистал и щёлкал прилётный красавец, а скворчиха то улетала, то снова прилетала, занятая какими-то домашними хлопотами.

Вдруг сзади меня послышалось знакомое шмыганье носом. Я обернулся и увидел Сергея.

– Здравствуй! К тебе тоже прилетел скворец? – спросил он.

– Как это «тоже»? – возмутился я. – Это первые скворцы во всём посёлке. Ещё ни у кого их нет, а вот эти прямо ко мне...

– Не-е-т! – перебил меня Сергей, явно издеваясь надо мной. – К нам раньше прилетели...

Это уже было выше моих сил.

– Как тебе не стыдно! Да у твоего скворечника даже воробья не видно. Посмотри! – указал я своему обидчику на его скворечник и... замер. Я собирался уличить его во лжи, показать ему, до чего он дошёл в своем зазнайстве, и мимоходом заметить, что хвастовство и ложь – самые страшные пороки человека. Но... слова застряли в горле. На Серёжкином скворечнике сидели два скворца и тоже давали свой скворчиный концерт.

– Мишка-а! К нам скворцы прилетели! – услышали мы голос Юрки, который жил через три дома от меня.

– А к нам ещё раньше вашего прибыли! – ответил Мишка.

Мы стали смотреть кругом. Один скворец сидел на берёзе через улицу, двое примостились на проводах и ещё один на столбе.

– Вот ещё один!

– Где?

– Да вот летит!

– Верно! Смотри, смотри, целая стая!

Складка между бровями у Сергея исчезла. Скворцы были везде. Их было много.

Люди, увидев их, спешили сообщить друг другу радостную новость, и при этом они улыбались хорошей, светлой улыбкой. Улыбались и мы с Сергеем, моим маленьким другом, с которым была у нас давнишняя и крепкая дружба.

Спорить не было никакого смысла.

КРАСОТА

Невыдуманная история

Димка торопился. Он «выжимал» из своего самосвала всё, что мог. Вот и бугор, за которым песчаный карьер. Машина стремительно взлетела на вершину, в ту же секунду Димка резко нажал педаль тормоза – на встречу бежал экскаваторщик Володька, нетерпеливо махал руками. Димка зло рванул дверцу:

– Ошалел, что ли? Жить надоело?

– Глуши мотор. Да не ори ты, не кипятись. Понимаешь, брат, тут дело такое... В общем, пойдём, – сказал неожиданно смущённо, – покажу что-то.

– Какое еще дело? – Димка закипал. – Мне надо рейс до обеда сделать. Кончай фокусы! Ты скажи хоть, почему стоишь?

Володька, не отвечая, спускался к своей машине. Шофер торопливо шагал за ним.

– Сапожники! Работать не умеете. Вечно у вас то авария, то горючего нет.

Это Димка нарочно так сказал. Он хорошо знал, что больно задевает Володькино самолюбие.

И тут Володька удивил его. В другой раз за такую напраслину он послал бы Димку по точному адресу. Он мастак на крепкое словцо. Всякие там сантименты не в его вкусе. Но сейчас Володька только странно как-то улыбнулся, будто извиняясь, и сказал тихо:

– Успокойся, Дим, нагржу я твой самокат, только чуток позже. Ты глянь на ту сторону протоки, к острову. Видишь?

– Птицы какие-то белые. Домашние гуси, что ли?

– Сам ты гусь, – беззлобно сказал парень. – Это ж лебеди! Они на юг летят. Видно, решили отдохнуть. Ах, если бы видел, как красиво они садились. Когда были против солнца, казались почти чёрными. А потом пролетели вон туда, развернулись и вдруг стали белые-белые, как по волшебству какому-то. Знаешь, как это красиво – белое на голубом небе!

Володька помолчал, отбросил давно погасший окурок.

– И вот еще что интересно: летят они и всё время будто в трубу трубят, перекликаются. Бывает же красота такая! Я их первый раз вижу. Вот это птицы! Как заметил, что они снижаются, экскаватор выключил. Не мог, понимаешь, пугать их. Пускай отдохнут.

В его тоне Димке опять почудилось приглушённое извинение.

– А о чем они кричат? – уже заинтересованно спросил он.

– Не знаю. Наверное, у них вожак есть, и он спрашивает у остальных: «Все ли здесь, братцы, не отстаёт ли кто?» А другие ему отвечают: «Всё в порядке, капитан, каждый на своём месте». И так они всё время друг с другом связь держат. Не может быть, чтобы такая птица – без дружбы...

Медленно плыли вдалеке гордые нездешние птицы. Плыли неторопливо, уверенные в силе своей красоты, которая надёжнее всякой охраны. И Димке вспомнилось: «Только самая подлая душа может убить лебедя». Это говорил его друг, заядлый охотник и рыбак.

Лебеди величаво проплыли вниз по течению. Похожие издали на белые хлопья пены, они один за другим скрылись за островом.

– Там заводь тихая есть, с песочком, – сказал Володька, доставая измятую пачку «Севера». – Подгоняй свой самокат, грузить будем.

Он крепко двинул шофёра в бок кулаком. Всякие там сантименты не в его вкусе...

Нина ГЕРАСИМЕНКО

САНДАЛИКИ

Рассказ

Дом наш, маленький, неказистый, – соседские мужики говаривали с усмешкой, мол, у Семёныча руки не оттуда растут – казался мне похожим на солнце с ребячьих рисунков: золотистый круг в центре, а к нему веером сбегаются лучи улиц разной длины и кривизны. На самом деле, таких улочек-переулков было всего три, остальные «лучики» вели в огород, на бабушкино подворье и ещё в одно волшебное место под названием загород, где произрастали разные вкусные растения в виде кандыков, петушков, пучек, горошка акации, ягод черемухи. Было там даже маленькое озерцо, вскорости превратившееся в болотце.

Если идти по улочке вдоль забора с серыми от времени штакетинами с палочкой в руке, то, когда приставишь палочку к забору чуть наискосок и пойдешь, убыстряя шаг, возникнет музыка: так-так-так-так-так-так - тррррр! А позади, на штакетинах, останется белесая волнистая полоса.

А ещё по дороге можно зайти к кому-нибудь в гости, в любой дом, где полным-полно интересных вещей: